

Антон Стадницкий

Воздействие

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875723
SelfPub; 2023*

Аннотация

Человечество веками жило по определённым правилам. Вечная гонка по социальной лестнице: борьба за самое лучшее укрытие от непогоды, самую качественную еду, самую красивую самку. Наверху этой социальной лестницы находятся люди, сильнее которых в мире никого нет... точнее не было. Пока на Землю не напали Твари. Андрею Савельеву, человеку, пережившему вторжение и полтора года выживающему в новом мире, где человек всего лишь пища для пришельцев, даётся шанс всё исправить. Могущественные силы вмешиваются в ход истории и предлагают остановить Вторжение, но взамен потребуют почти невозможное.

Антон Стадницкий

Воздействие

Вибрирующий, давящий на барабанные перепонки ор заставил внутренне подобраться и закрутить головой в поисках его источника. Именно ор, а не громкий крик или рев. Буравящие мозг звуки, которые издавали Твари, были настолько чуждыми для уха человека, что назвать их как-то иначе было бы ошибкой.

Как бесконечно чужими были и сами Твари, дикой ордой обрушившиеся на Землю более полутора лет назад и за это время, почти под корень истребившие казавшуюся несметной, веками плодящуюся человеческую популяцию.

Тварь не заставила себя ждать, показавшись из-за нестройной груды мусора по другую сторону широкой, стремительно погружающейся в вечерние сумраки улицы.

– Отряд, цель на десять, приготовиться, – моя команда прозвучала негромко, но я знал, что все бойцы группы её услышали и приняли.

Тем временем монстр запрыгнул на крышу преграждавшей ему путь легковушки, со скрипом прогнув металл внутрь салона, после грузно соскочил на серый от слоя пыли асфальт, уже по нашу сторону от машины и резво потрусил к отряду, не прекращая мерзко верещать.

Существо, которое мы между собой уже привычно на-

зывали собакой, торопилось плотно поужинать глупой мякотелой дичью, так неосторожно забредшей в её охотничьи угодья.

На вечерней улице, лишённой привычной мегаполису электрической иллюминации, в окружении полуразрушенных высотных домов и наспех брошенных автомобилей... даже во всём этом классическом апокалиптическом антураже существо выглядело чужеродным кошмарным гротеском, ещё больше обостряя чувство неуместности, абсурдности происходящего. Такого чудовища попросту не должно существовать в нашем мире, среди привычных и знакомых с детства урбанистических пейзажей, но вот же он – бежит к нам, торопится.

Собственно, на собаку – четвероногого друга человека, монстр не похож вовсе, но называть, чтобы в дальнейшем как-то идентифицировать пришлое существо было нужно. Вот и случалось, что получали Твари имена земных существ, становясь слонами, пауками или, вот как этот урод – собакой.

Трёхметровое бочкообразное тело на гибких суставчатых лапах, бугристый уродливый конус на том месте, где у обычной, земной собаки находится голова, короткая жёсткая, то ли шерсть, то ли чешуя, с красноватым отливом, да дикий ор с частыми перерывами, отдаленно похожий на собачье тявканье... так почему бы не собака.

Тем более, перепутать в разговоре Тварь с родной земной

псиной стало практически невозможно – большинство лающих и мяукающих друзей человека монстры мелким ситом выловили и сожрали ещё в первые месяцы Вторжения.

Единственная настоящая собака, которую я видел за последний год – одноухий доберман с уродливым шрамом через всю спину с недавних пор обитающий у нас на базе. Животное, умудрившееся как-то выживать всё это время в городе, разведчики с месяц назад подобрали в руинах бывшего торгового центра. С лёгкой руки нашего завхоза героическую псину назвали Казбеком, подлечили, поставили на продуктивное довольствие, да определили на складскую службу – давить обнаглевших от безнаказанности крыс, которых за последнее время развелось великое полчище.

А еще пришельцы умели то, что в сказочных довоенных историях часто называлось волшебством или магией.

Полтора года выживания на собственной планете без малейшей надежды на будущее разучили уставших людей верить в розовых единорогов и хитрых эльфов. Возможно, именно из-за этого, те невероятные в первое время и ставшие привычными по его прошествии чудеса немногие выжившие стали называть просто и обыденно – воздействие.

...

Тварь, опустив башку и наращивая темп, бежала на нашу группу, но я оставался спокоен, страха не было. Нет, конечно, в самые первые месяцы войны страшно было. Хотя, страшно – слишком слабое, слово, не способное передать

всю гамму чувств и эмоций, которые я испытывал тогда.

Было жутко. Жутко, до того дикого первобытного ужаса, который лютой стужей замораживает всё внутри, сковывая конечности и делая безуспешными любые попытки рационально мыслить. Леденящий кровь ужас вызывало любое замеченное движение вдалеке или едва различимый шорох за поворотом, отдаваясь тремором в руках и аритмией в груди. Животный ужас, ставший постоянным спутником выживших, держал за руку и не отходил ни на шаг, с удовольствием и при любом удобном случае запуская за шиворот липкие пальцы ручейков пота и даже в редкие часы относительной безопасности настукивая в груди тревожный ритм.

Ужас тогда крепко засел, и не только во мне – он клещами крепко вцепился в каждого выжившего и не спешил с ним расставаться. Но со временем чувство выматывающего, гнетущего ужаса отпустило. Поначалу уступив место вялой апатии, когда выживать приходилось на инстинкте самосохранения, да большой доле везения.

Теперь, когда я стал намного опытнее и действовал уже не один, мрачная обречённость сменилось чувством общего дела и спокойным математическим расчётом, чётким пониманием ситуации – есть враг, сильный и смертельно опасный, его нужно уничтожить тихо, быстро и с минимальным риском для группы.

Плохо, что отряд не смог обнаружить опасность заранее – тогда притаившегося пришельца можно было обойти сто-

роной, не потревожив, но такая ошибка понятна и отчасти прощительна – поисковиком в этот рейд с нами шла совсем молодая девушка, совсем ещё девчонка. Способности к поиску у неё только начали проявляться, а Тварь такого относительно небольшого размера, да ещё и на ходу, не просто обнаружить даже специалисту с изрядным рейдовым стажем.

В бою же, основной задачей Светланы была отслеживание других внешних угроз, кроме атакующей Твари. На шум городской схватки могли явиться новые нежелательные гости и тогда тактику боя пришлось бы перестраивать или вообще, спешно ретироваться.

Наш маленький отряд не предназначен для серьезного сражения. Мы – это скорее мобильное подразделение для разведки местности, с целью поиска полезностей для их дальнейшей экспроприации. В этот раз я целенаправленно вёл свою группу к складским комплексам, расположенным в двух десятках километров от базы и по возможности мы должны были избегать вот таких неожиданных встреч. Но дать отпор Твари, пусть даже такой непростой в бою, наш маленький отряд готов всегда.

Успех любого командного боя зависит от слаженных действий всех бойцов, и я с удовлетворением отметил, что каждый член группы начал подготовку для выполнения своей роли. Мне понадобился миг, чтобы смахнуть пот со лба. Ещё мгновение, и вот я уже стою в привычной для боя стойке.

При опасности рука больше не тянется к оружию, висяще-

му за спиной. За последнее время я совсем отвык полагаться на огнестрел. При всём желании и возможных умениях владельца дробовик не смог бы нанести ощутимый урон Твари – пробить прочную шкуру пришельца с помощью ручного стрелкового оружия очень и очень непросто, а если речь идёт о Тварях высокого ранга, так и вовсе невозможно.

А вот стрелять в городе чрезвычайно опасно – громкий шум мог привести к появлению новых визитёров, против могущества которых и танковый калибр был бы слабым аргументом. Брал дробовик я с собой больше по привычке, в следующий раз точно оставлю на базе, лишний груз теперь, не более.

Во время боя, кроме координации действий участников группы, на мне была задача её защиты. Я начал готовить силовое поле, применение которого в бою с собакой составляло часть общей боевой схемы.

Этот пришелец в нашей классификации имел начальный, первый ранг, он пользовался всего одной формой воздействия – за мгновения перед атакой Тварь многократно ускорялась. В таком «турбо режиме» она находилась недолго, с десяток секунд, но расправиться с противником этого времени для собаки хватало с избытком. Так же она поступила и на этот раз. Движения монстра смазались, последние несколько метров до группы собака пронеслась за какой-то миг... и налетела на мою силовую стену, поставленную под углом к земле.

Упругая невидимая защита, как трамплин, подбросила грузное тело в воздух, перекинула через нас, зашвырнув на стену здания в десятке метров позади. На пару мгновений у меня потемнело в глазах, а из носа резво потянулась дорожка из крови. Наспех перехватил её тыльной стороной ладони в перчатке. Чуток перенапрягся, но главное – работу свою сделал.

Падение трехсоткилограммовой туши, ускоренной моим трамплином, было страшным. Часть фасада первого этажа ввалилась внутрь здания, поднялось густое облако пыли, шрапнелью посыпались осколки стекла и обломки перекрытий.

Мы синхронно развернулись к пришельцу, который, впрочем, уже начинал подниматься на лапы, шумно отряхиваясь и поднимая в воздух клубы белёсой пыли. Он готовился к новой атаке и даже такой, казавшийся сокрушительным, удар не смог нанести Твари заметного урона.

Но по схеме боя с собакой, этот удар и не должен был причинить монстру существенный вред. Было важно, что дезориентированный пришелец перестал применять воздействие и бой вступил во вторую свою фазу, в которой игра пошла уже по нашим правилам.

Я перевёл щит в вертикальное положение – моя задача не закончилась и предстоит сдержать несколько всё ещё сильных атак разъярённого неожиданным отпором монстра. Действительно, собака метнулась к отряду и наскочила на мою

защиту, которая чуть прогнувшись, отбросила Тварь назад. Ещё раз... ещё... и ещё...

Существо бросалась на людей в безуспешных попытках достать еду, ставшую неожиданно недосягаемой, а я, скрипя зубами, держал щиты. Без применения воздействия, пришелец не отличался особым напором и спустя несколько минут его движения замедлились.

Собака заметно устала, ощутимо потеряла в скорости, а значит, пришло время для нашего адекватного ответа. В бой вступили бойцы группы – Матвей и Женя, и следующую, уже совсем вялую атаку монстра ребята встретили сокрушительными, с оттягом, ударами в уродливую бугристую башку. Тварь, прочную шкуру которой не брал огнестрел, сила ударов кулаков с воздействием отправила в нокдаун, откинув обратно на груды мусора от осыпающейся стены.

Наши яйцеголовые как-то задались целью измерить силу удара человека под воздействием и оказалось, что та достигает две-три тысячи килограммов. Что, кстати, в несколько раз больше силы удара Майка Тайсона, легендарного боксёра тяжеловеса, крушившего противников на ринге в конце двадцатого века. К тому же, в ходе воздействия рука полностью защищалась от физических повреждений – на тренировках мы ломали прочные бетонные блоки в мелкую крошку.

Я убрал силовое поле за ненадобностью. Ребята подбежали к собаке, бессильно скребущей когтями по асфальту, и несколькими мощными ударами ставили жирные точки в на-

шем коротком противостоянии. Воинственный ор сменился на хриплый обречённый вой, тело дёрнулось в последний раз и затихло – Твари встретился противник не по зубам и через пару минут от начала бой был закончен нашей полной победой.

...

До цели перехода добрались без новых приключений, хотя совсем затемно. Складской территорией управляла дружественная нашему поселению группа бывших военных. Для нас это спокойный район, можно расслабиться – я уже связался с постом охраны по рации и отряд встречали.

На сколько я в курсе, когда появились Твари, уцелевшая группа военных дезертировала из части, расположенной где-то в окрестностях Петербурга. Вояки заняли, хорошо укрепившись, несколько полуподземных складских комплексов на севере города, почти сразу за кольцевой дорогой. Со временем они плотно взяли под контроль весь район и надёжно укрепили сами склады для защиты от мародёров и мелких Тварей.

Дезертиров-военных я понимал – армия не справлялась с появившимися, как из ниоткуда, агрессивными пришельцами. В первые дни Вторжения человек был слаб до полной беспомощности, огромные Твари, не встречая отпора разрушали до основания целые города. Нападение на усиленную собственными воздействиями Тварь, вроде слона, вполне могло обернуться быстрым и тотальным истреблением

полка, вооружённого «до зубов» самым современным оружием.

Бежать, чтобы выжить – пожалуй, это самое правильное решение, принимаемое в первые дни Вторжения людьми, дезориентированными мощью и агрессивным напором малоуязвимых монстров.

У военных выбор был не только невелик, но и морально непросто. Сбежать, накопить силы и попробовать вернуться с мстостью за павших. Или же встать во весь рост в героическом порыве на пути Твари, несущейся экспрессом в сторону впавших в ступор гражданских, разменяв свою жизнь на лишние полторы минуты их жизней. Потому, что другого размена монстры не предлагали.

Вот и кем-то из местных офицеров было принято тогда решение отступить, чтобы сохранить личный состав. И не мне их за это осуждать.

Со временем организованность группы позволила ей стать заметной силой в этом районе города, но, как в итоге оказалось, существенно повлиять на расклад сил в противостоянии с пришельцами уцелевшие военные тоже не смогли.

Да, они честно и не жалея себя вели собственную войну, регулярно зачищая район от мелких монстров. Иногда, я знал о паре таких случаев, им удавалось уничтожить пришельца покрупнее. Но выйти на элитную Тварь ранга так третьего, не говоря уж про пришельцев максимального известного нам четвёртого ранга, вроде всё того же слона,

и сейчас гарантированное массовое самоубийство. Всегда проще обойти обвешанное воздействиями под завязку, но крайне медлительное существо, размерами с двадцатиэтажный дом.

Возможно, человеку ещё предстоит научиться убивать Тварей, но пока до этого было очень и очень далеко.

...

Обратно мы собирались отправиться сразу и уже грузили под завязку высокие рюкзаки запчастями и инструментами. Человек не только полностью избавился от необходимости спать по ночам. Перестроенный организм без труда переносил колоссальные нагрузки, которые раньше не каждому спортсмену-атлету были бы по плечу. Люди стали сильнее, быстрее и гораздо выносливее.

К тому же, в конце октября ночи заметно холоднее, того и гляди белые мухи полетят, а это значит, что активность Тварей станет ниже. Самое оно, чтобы дойти обратно быстро и без происшествий.

К тому же ночь – наше время. Твари слепнут, глохнут, тупеют... один чёрт знает, что с ними там происходит, но в итоге они становятся вялыми, медлительными и сами на людей почти не нападают. Именно поэтому в подобные снабженческие, или как их ещё прозвали в народе «мародёрские рейды» отряды уходят в ночь, стараясь успеть с возвращением на базу до первых лучей солнца нового дня, а такой пустяк, как зрение ночью может обеспечить себе любой, трени-

рующий навыки воздействия человек. Тем более, если речь о ком-то из отрядов обеспечения, для которых владение такими приёмами строго обязательно. Так что, некогда расслаживаться, подъём и в строй, пора возвращаться домой.

Домой... мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть называть домом не трёхкомнатную квартиру в многоэтажке бизнес-класса с шикарным видом на город, который, кстати, обошёлся мне дополнительно в четверть её стоимости, а небольшой полутёмный отсек на подземке, где я сейчас обитал. Но привык, как к этому привыкли все те, кто жил сейчас на нашей базе. Человек ведь такое удивительно существо, ко всему приспосабливается.

Обратная дорога до базы прошла почти без происшествий – отряд на входе в город встретил небольшую стаю скунсов, но мы быстро распугали отважившихся было на нападение мелких монстров криками, подкреплёнными соответствующими воздействиями. Да уже на самом подходе к станции, метрах в двухстах, параллельно движению отряда прошла небольшая группа из пяти человек. На контакт временные попутчики не шли и через минуту вообще пропали из вида.

Бандиты, сектанты или просто группа выживших в поисках нового места для своей базы? Хотя... какая разница. Им до нас тоже дела нет, вон как быстро свалили. А разобраться, где преступник, а где добропорядочный человек, где зло, а где добро становится всё сложнее. Этические границы давно стёрлись, сбросив с человека тонкий налёт цивилизован-

ности, в одночасье превратив в дикого зверя, раздраемого базовыми инстинктами.

Перемещение по поверхности превратилось в опасную рулетку, ставкой в которой была жизнь участников рейда. Но наверху были ресурсы, без которых невозможно выжить внизу, и поэтому люди поднимались на поверхность снова и снова. Уходили, чтобы рисковать жизнью и дать шанс на жизнь остальным, тем, кто ждал их под землёй. Возвращались, конечно, не все.

Некстати вспомнился рассказ очевидцев, беженцев из атакованного Тварью торгового центра, располагавшегося в пяти километрах от Лесной в направлении к центру города. Дело было в начале этого лета, в первых числах июня. Какие-то отморозки устроили перестрелку недалеко от трёхэтажного здания, где селилось тогда около полусотни человек.

Те отморозки то ли быстро перестреляли друг друга, то ли сразу разбежались – стрельбу в городе можно считать надёжным и быстрым способом суицида. Короче, звуки выстрелов прекратились. Но на шум явился крупный паук, матёрая Тварь третьего ранга, и именно в то время, когда несколькими охранникам из числа поселенцев центра приспичило проверять периметр. Паук, использующий для поиска своих жертв сканирующее воздействие, быстро обнаружил неосторожных людей и рванул к добыче. Спасти бедолагам было уже невозможно и им бы увести угрозу от здания, жертвуя собой и спасая жизни остальных. Но кто-то из них оконча-

тельно потеряв голову побежал в поисках защиты внутрь, а смерть на восьми лапах вломила следом.

Тогда не помогло оружие у боевиков из охраны, не спасли, казавшиеся мощными и нерушимыми, баррикады, месяцами старательно возводимые из всего, что попадалась под руку на подступах к торговому комплексу. Против ворвавшегося внутрь монстра не помогло и воздействие – люди привлекли внимание действительно сильного пришельца. В общем, спаслись очень немногие.

В итоге, несколько бедолаг из бывших жильцов центра прибились к гарнизону на Лесной, а потом перебрались на жилые станции, где и рассказывали свою историю по нескольку раз в месяц – кому-то в развлечение, но большинству в назидание. Что тут скажешь, умереть человеку в этом новом мире стало проще простого.

...

Ну вот, наша группа добралась до Гражданского Проспекта, конечной нашей цели. Сам вход на станцию уже давно не таким, каким он помнился до Вторжения – широким проходом с массивными стеклянными дверями и светлым просторным вестибюлем, наполненным вечно спешащими людьми.

Теперь это что-то больше похожее на «влаз», мрачную нору, где можно спрятаться и тихонечко переждать, пока свирепые охотники ходят вокруг в поисках, чего пожрать. Сам проход небольшой, метра полтора в поперечнике. Добираясь

по нему до самого спуска на станцию, к ступеням эскалатора, взрослому человеку приходилось идти пригнувшись.

Уходя под землю, люди тщательно закрыли баррикадами наземные вестибюли, оставив только узкие проходы, заблокировав массивным прищельцам проход внутрь поселения.

Конечно, выход на поверхность, будучи стратегическим объектом, регулярно расчищался от мусора и тщательно охранялся патрулём, но при приближении сильных Тварей, патрульные, словно пугливые суслики, прятались в нору и переживали опасность.

Все наши уже забрались внутрь. Я последним поставил ношу перед патрульным для проверки и отвечал на его контрольные вопросы, чтобы получить разрешение вползти за своей группой в укрытие. Такая проверка на входе не была совсем уж формальностью. Мы уже встречали людей, которые находились под управлением Твари. Человек становился марионеткой монстра – от него оставалась лишь управляемая извне оболочка. Видимо, пришелец охотился таким образом на людей, выявляя их скопления. Выявить такого вот «засланца» не составляло труда – отстранённый взгляд и ответы невпопад, но всё же опасность недооценивать не стоило и на входе в подземку проверка давно стала стандартным протоколом.

Подземному поселению, к которому я присоединился год назад, принадлежали пять станций бывшей Красной, Первой ветки Санкт-Петербургского Метрополитена. Станцию «Де-

вяткино» – самую северную и конечную в линии законсервировали наглухо ещё при основании базы, обрушив часть тоннеля с путями. Удерживать выходящую на поверхность станцию было бы крайне непрактично и в случае проникновения, Твари через неё могли бы добраться до следующей, уже жилой.

А станцией «Лесная» территория поселения была ограничена уже исключительно по случаю. Во время Вторжения в окрестностях станции «Выборгской», которая была следующей по ветке за «Лесной» к центру города, что-то нехило так взорвалось. Этот взрыв был настолько мощным, что часть городской территории, включая вестибюль подземки, ушла под землю, изолировав нашу часть ветки от всего остального Метрополитена. Таким образом, поселению досталось именно пять станций.

«Гражданский Проспект» и «Академическая» были определены под жилые блоки, хотя на Гражданском было расквартировано преимущественно население обеспечения – из неё проще уходить в пригородные рейды, дающие более ценную добычу. Также Академической досталась школа на десяток мест, детей на базе было немного, и совсем крохотная мастерская для всякого мелкого бытового ремонта.

На «Политехнической» находилась зона отдыха и развлечений. Народ, маявшийся от безделья, натаскал сюда всё, что могло как-то повеселить и развеять. Начальник поселения, Семён Петрович, умный и практичный мужик, понимая, как

уоставшим и отчаявшимся людям нужно такое место, поставил организацию зоны под свой особый контроль и со временем тут появилась бильярдная, игровая комната для малышей и даже небольшой кинозал, правда работающий только раз в неделю.

Станция «Площадь Мужества» представляла собой зону для работы и исследований. Здесь же были склады самого необходимого, устроенные прямо в электропоездах, удачно вставших на вечный прикол с двух сторон от платформы. Также на станции стояли холодильники с запасами еды, а в конце платформы компактно размещалась больница со своей операционной и стоматологическим креслом.

Последняя станция в системе поселения «Лесная», была одновременно и гарнизоном с постоянным военным присутствием, и большим складом для хранения резервов – всё, что могло быть полезным и представляло какой-либо практический интерес, но не могло быть использовано сразу, тащилось сюда и сдавалось на хранение.

...

Эскалатор, по которому я вслед за своей группой спустился вниз, естественно, не работал, но поддерживался в чистоте и был освещён, впрочем, весьма скудно. Электричество на станциях было, но администрация предпочитала экономить на стратегических ресурсах. Этот ценнейший для подземного мира ресурс вырабатывали десятки генераторов, обеспечивая по расписанию работу медицинского блока, жилой и

других зон. Эти же генераторы снабжали электроэнергией насосы, откачивающие из тоннелей просочившуюся по весне талую воду.

Топливо с поверхности поставлялось регулярно, моя группа не раз участвовала в таких снабженческих рейдах. За полтора года существования база уже досуха выкачала резервуары нескольких ближайших к ней АЗС.

Вслед за своим отрядом, я прошёл ещё один пост, где мы сдали свой груз и вышел на полутёмную платформу станции.

– Всё ребята, пока. Увидимся на планёрке завтра, – попрощавшись со своей командой и напоследок сказав несколько ободряющих слов расстроенной своей оплошностью Светлане, я зашагал к жилью.

Почти вся территория станции была когда-то, при обустройстве базы, разделена на ячейки – небольшие, по семь-восемь квадратных метров, комнатухи для проживания обитателей метро. Для строительства жилья, в основном, использовались части вагонов от электропоездов, застрявших навечно в туннельных переездах. Все вагоны были аккуратно разобраны, тщательно распилены на фрагменты и заново собраны в подобие небольших ячеек-комнатушек, уже на самой станции. Моя ячейка, как и жильё большинства несемейных жителей станции, это и место для хранения личных вещей, и возможность, хоть на какое-то время, спрятаться от лишних глаз.

В центре комнаты стояло главное моё достояние – мас-

сивное кресло из чёрной кожи, место для отдыха и размышлений. Помнится, я как-то присмотрел его в городе, а потом по частям перетаскал к себе и заново собрал. Весь остальной интерьер составляли самодельные стол с табуретом, от частого использования затёртые почти до блеска, алюминиевый стеллаж для амуниции, да несколько полок для хранения всякой бытовой мелочи. Не хоромы, конечно, но всё необходимое для жизни у меня есть и под рукой.

Отодвинув фанерную дверь, я забрался в комнату, на входе скинув замызганные берцы. Снял разгрузку и с удовольствием стянул пропахший потом комбинезон, почти не глядя бросив его в картонную коробку с кучей остального белья, ожидающего стирку. Пока он мне не понадобится, очередь моей группы идти в рейд только через три дня.

С почтением водрузил на стеллаж свой восьмьсот семидесятый Ремингтон, потёртый от времени помповый дробовик, который подарил мне отец лет двадцать назад. За время после Вторжения, оружие пригодилось всего несколько раз, но все эти разы дробовик меня просто спасал, поэтому к оружию я привык относиться с должным уважением.

В планах на ближайшее время – прослушивание музыки, весьма удачно подобрал в городе несколько комплектов батареек для своего плеера, да поход за вечерним пайком на раздачу. В целом, человеку теперь требовалось меньше еды, чем раньше, но непрерывно бодрствующий организм требовал поступления пищи регулярно и ночное время не явля-

лась исключением.

Ещё нужно сходить, но это уже совсем под утро, на соседнюю Академическую – проведать Маришку, которая жила у семейной пары, приютившей девочку после нашего с ней появления на станции. А то всё обещаю и постоянно откладываю, глядишь – скоро обижаться начнёт. Как раз к восьми успею на обратную дрезину.

– Сосед, ты на месте? – звонкий голос за дверью мог принадлежать только Василию, приятелю, живущему в ячейке справа от моей.

Не дождавшись ответа, тот заколотил по тонкой двери кулаком, и я поторопился ответить:

– Вася, открыто, заходи давай.

В отличие от меня, ещё с детства отличающегося высоким ростом, Василий был невысоким и коренастым крепышом, с небольшим, но заметным животиком. Он всегда много говорил, часто жестикулируя, отчего его личности очень быстро становилось в избытке. Иногда доходило до того, что я попросту выставлял суетного соседа за дверь, ссылаясь на срочные и чаще всего выдуманные дела. Впрочем, энергичный Вася никогда не обижался, он, казалось, совсем не умел этого делать.

Вот и сейчас, шумно пыхтя, Василий залез в мою комнатку, попутно пнув оставленную мной у двери обувь, и плюхнулся на жалобно заскрипевший под ним колченогий табурет.

– Дрон, я тут кофе раздобыл. Зерновой, как ты любишь и ещё даже горячий... ну, почти... вот и решил: угощу-ка соседа. Потом убегаю сразу – на смену тороплюсь, нас на ночь в патруль поставили.

Всё это Вася проговорил скороговоркой, как на одном дыхании, буквально всунув потёртый литровый термос мне в руки.

– Ну чего ждёшь? Кружку давай! Объясняю же человеку, мне бежать надо. А он стоит и лыбу давит...

Я ещё больше улыбнулся на эту его якобы грозную тираду, поставил термос на стол, снял кружку с крючка на стене и наполнил её до половины. Что правда, то правда: кофе я люблю давно и преданно, и, хотя ожидания от содержимого термоса были самые скромные, отказывать приятелю тоже не хотелось, от чистого сердца же.

– Дрон, ты это... может слышал, что с группой Костяна случилось? Третий день прошёл, ни слуху, ни духу. В штабе-то что говорят?

Вопрос Василия заставил меня помрачнеть лицом, я кивнул, потом немного помедлил, но всё же ответил:

– На планёрке утром обсуждали. Как раз решали, отправлять ребят для их поиска или нет.

– И что решили?

– Вася, а чего тут решать? Пару месяцев назад, группа Рыжего пропала, помнишь? На минуточку, одна из лучших на базе. Отправили мы тогда спасателей... а в итоге что? Один

только из пяти вернулся, да и тому повезло крупно, что вообще добрался. Неделю пацан по подвалам шкерился, чтобы Тварей запутать, со следа сбить. Добрался чудом, не иначе, весь переломанный и зашуганный. Не боец уже. В итоге девять человек минусом, вместо пяти.

– Да, но...

– Ты и сам ведь всё понимаешь. Если не вернулась боевая группа в полном составе, то что-то совсем паршивое с ними произошло. Отправить ещё одну группу на её поиск – риск потерять её тоже. Людей остаётся всё меньше, и меньше, а когда-то они просто кончатся. От слова совсем. Земля, она, Вася, больше нам не принадлежит.

Мужчина покачал головой:

– Эх, жаль пацанов. Ну, что тут скажешь... ладно, я победил, работу за меня никто не сделает. Всё, Дрон, увидимся.

– Давай. И Вася, за кофе спасибо.

Сосед поднялся, пробурчал что-то очень похожее на "пожалуйста", забрал термос со стола и уже на пороге сообщил:

– Да, на счёт завтра – всё в силе. Я уже сказал командиру, Борис не возражает.

– Спасибо большое, – искренне поблагодарил я приятеля.

– Нет проблем... ну всё, давай, увидимся.

Завтра – важный для меня день. В планах самостоятельная вылазка в квартиру на поверхности. Решил перенести на станцию несколько личных вещей, конечно, если они ещё на месте. Такие одиночные походы в город всегда нужно со-

гласовывать со своими командирами, дисциплина на базе не была пустым словом. Я, как командир боевой группы, получил согласие на выход непосредственно у начальства базы и теперь вот есть ответ Бориса, командира группы, с которой ходил в рейды Василий. Конечно, пойти можно и одному, но помощь сильного бойца не помешает.

Последний раз я был на квартире чуть больше года назад, в конце лета. Тогда мы с девочкой-найдёнышем в поисках последнего шанса только появились на станции, да и вообще в городе. Дом хорошо сохранился, сама квартира была на замке и тоже совсем не пострадала. Много вещей унести не получилось, а потом как-то всё было не до этого.

Почти всё необходимое для повседневной жизни можно без проблем найти в помещениях магазинов поблизости, либо на складе поселения. Кроме еды, добывать которую с каждым месяцем становилось всё труднее и труднее.

Скажи мне кто-нибудь раньше, что наступит время, когда придётся защищать свою жизнь от людей, готовых убить незнакомца за банку просроченной тушёнки, я бы от души посмеялся над этим, как над какой-то нелепой шуткой.

Шутка как-то быстро... перестала быть таковой. Люди насмерть дрались с другими людьми за жалкие крошки, оставшиеся от некогда богатого стола. Бывшие хозяева, а теперь просто вымирающий вид на ставшей чужой планете, продолжали цепляться за иллюзию жизни. Без надежды, без веры, без будущего.

В отличие от большинства людей, которые пережили Вторжение, но плохо помнили первые его дни, в моей памяти всё отлично сохранилось с самых первых часов катастрофы. Многие мне тогда было не понятно, что-то казалось просто невероятным, а чаще всего было попросту страшно.

Но выключался рациональный мозг городского жителя, включались базовые первобытные инстинкты и начиналось выживание вопреки и назло всему. Тогда я не знал, что такое экстремальное выживание очень скоро станет для людей обычной, ежедневной рутинной.

...

Человек, переживший Вторжение, стал значительно сильнее, выносливее и избавился от большинства болезней, среди которых был даже рак. Перестал тратить время на сон и получил возможность воздействовать. А ещё он получил удивительную память, которая позволяла скрупулёзно сохранять, накапливать и воспроизводить информацию. События, даже удалённые по времени сохранялись в ней детально и отчётливо.

Я дорого бы отдал за возможность забыть всё, оставив только воспоминания последнего довоенного года. Но в памяти за этот период остались только отдельные фрагменты, полуистлевшие, рваные кусочки блёклых картинок.

Первая встреча с будущей женой, после которой мы гуляли до самого утра, разговаривая обо всём на свете и даже не думая расходиться по домам. Свадьба с Полиной – тёплый

и солнечный день, когда казалось, что именно такой солнечной будет и вся наша с ней долгая совместная жизнь. Тот звонок жены, голосом заговорщика сообщающей о том, что нас скоро будет трое и третий – это точно не её мама. И волнительное чувство ожидания ещё большего счастья, которое должно наступить совсем скоро с рождением сына.

Остальное хочется забыть. Забыть тот зимний вечер, когда мы с женой добирались домой после позднего ужина у друзей. Ту страшную аварию, которая лишила меня семьи и возможности быть счастливым. И не помнить всего, что было в моей жизни дальше.

Как будто и не было никакого Вторжения, а я – припозднившийся рядовой пассажир метрополитена, прибывший на свою станцию после очередного, такого же рядового, трудового дня. Которому остаётся, что подняться на поверхность, пройти десять минут до подъезда, ещё раз подняться, но уже на лифте и позвонить в дверь квартиры, на пороге которой встретит красавица Полина с маленьким сынишкой на руках. И тогда все проблемы суетного рабочего дня останутся позади, растворившись в теплоте глаз родных людей.

Но абсолютная сука-память дотошным статистом подсовывает всё то, что мне никак не хочется вспоминать. И чем больше я стараюсь не думать об этом, тем настойчивее всплывают в памяти события последних непростых полутора лет. И безумные события того самого дня, когда реальный мир затрещал по швам и порвался в клочья, а из-под драных

лохмотьев и ярких лоскутков криво щерясь вылезло что-то невообразимо тёмное и голодное.

Тот самый день, двадцатое апреля, когда на Землю напали.

...

Бочковатую тушку микроавтобуса выносило со встречной прямо на Крузак не оставляя сомнений – страшного удара не избежать. Метеором по небосклону вспыхнула и пронеслась мысль о том, как же хорошо, что беременная Полина не поехала сегодня со мной, отказавшись от приглашения друзей.

Картинка замерла, как на стоп-кадре. Через лобовое отчётливо видно водителя – рот искажён криком ужаса, лицо серое от осознания необратимости того, что сейчас произойдёт. Такое же серое, как сам микроавтобус, как снег на полях вдоль дороги.

Всё опять приходит в движение и резко ускоряется, заставляя сжаться в ожидании страшного удара неуправляемого железа, но его всё нет, а картинка расплывается, теряет фокус, наливаясь светом и сочной яркостью.

Всё, конец? Это и есть тот самый пресловутый коридор, за которым точка невозврата? Путь на судилище, где мне припомнят все мои земные грехи. Мне туда? Яркий, бьющий в глаза до рези световой поток – зовёт и пугает одновременно.

Открываю глаза. Лоб в поту, а тело колотит мелкая дрожь. Сажусь на постели, несколько раз глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться. Остатки видения мешают полному пониманию,

где я и почему нахожусь именно здесь, но мозг уже начинает интенсивную деятельность, перерабатывая доступную информацию.

Солнечный свет льётся через широкое окно, щедро заливая спальное место, на котором я вчера вечером отрубился. Отчаянно слепит глаза. Именно мощный поток яркого света с улицы и стал виновником сюжета, увиденного мной то ли сна, то ли видения.

«Сон! Это был просто сон. Эх, будь то правдой...»

За панорамным окном – вид на луг и небольшую причудливо изогнутую речушку. Проталины в снегу выставили на показ пучки прошлогодней жухлой травы, которая совсем скоро зазеленеет и пойдёт в буйный рост. На реке ещё стоит лёд, упрямая зима не спешит отдавать водоём, успевший промёрзнуть почти до дна. В бирюзовом небе едва заметный росчерк – косяк гусей, возвращающийся домой. Давно пора, середина апреля, всё-таки. Умиротворяющая, чудесная картина – именно вид из окна в своё время и стал для нас решающим, при покупке этого дома. Полине очень понравился.

Часы над камином показывают десять, а значит снотворное действительно сработало, и меня попросту отключило. Головная боль, из-за которой я решился на передозировку – обычные дозы не действовали, стала заметно слабее и от неё теперь не хочется храбрым альпинистом штурмовать стену, вполне можно потерпеть.

За эту пару недель, которую я затворником провёл за го-

родом, моё самочувствие стало заметно лучше. Разве что ещё волнами накатывали головные боли, но сознания от них, как в первые дни после выхода из комы я уже не терял. Спать с каждым днём хотелось всё меньше, и я с удивлением начал замечать, что измотанный организм уже почти без стресса переносит постоянные ночные бодрствования.

Удивительно, но с уходом боли приходило какое-то необычное, новое для меня чувство. Как будто я глубже стал понимать суть вещей и событий, а мир насытили новые краски, он приобрёл доселе незнакомую резкость и обрёл глубину.

Анализировать своё состояние я пока не решался, просто решив понаблюдать, что будет дальше, хотя первые выводы напрашивались сами. Думаю, что состояние клинической смерти в котором я побывал перед комой, что-то сделало с моим многострадальным организмом. Раньше мне доводилось слышать, казавшиеся сказочными, истории про то, как люди, вернувшиеся с того света, менялись и начинали удивлять окружающих и сейчас, судя по всему, нечто подобное происходило со мной.

На сегодня в моём списке важных дел стоит звонок в компанию, нужно поинтересоваться у Ольги, как идут дела. Конечно, она уже не первый год в бизнесе, дело своё знает на «отлично» и с управлением агентством справится без подсказок, но одобрение и несколько советов никогда не помешают. Ей сейчас приходится непросто, учитывая, как неужи-

данно пришлось принимать должность, оставшись без помощи и поддержки старшего партнёра.

Но меня тоже можно понять. Придя в сознание и узнав от врачей, что жены больше нет, я попросту потерял смысл жизни и перебравшись за город, почти две недели старательно избегал любых контактов. Только Стас, мой старинный друг, заезжал несколько раз – помог с переездом, неделю назад закинул пухлый пакет с продуктами, да перегнал мне под окно свой Фрилендер.

В свой последний визит, передавая мне ключи от автомобиля, он объяснил:

– Андрюх, мы с Ленкой в Штаты улетаем... не знаю, думаю за недели две-три обернёмся, в общем, как получится. Машину пока забери – мало ли, что. Вдруг раньше вернуться в город надумаешь. Или съездить куда понадобится. Твоя-то теперь... В общем – бери, братан, не спорь. Документы в бардачке, бак под горлышко. Я на такси до города доберусь, вызвал уже.

Помощь друга я принимал с благодарностью – тот не задавал лишних вопросов, не лез в душу и просто старался помочь, не навязываясь. Ключи я тогда взял. И как раз сегодня в планах было воспользоваться предложенной машиной.

Мне нужно съездить в ближайшую деревню, раздобыть продукты. Съестные припасы подошли к концу и, если я не планировал намеренно уморить себя голодом, то нужно собираться и вытаскивать свою трусливую задницу из дома.

Пусть это будет мой первый шаг, первая ступенька на лестнице к выходу из глубокой депрессии, на дне которой я провёл это время. Знаю, Полина хотела бы, чтобы я жил дальше.

Сотовый, поставленный на беззвучный режим, показывал больше сотни входящих, но я даже не подумал их просмотреть. Наверняка, среди звонков много рабочих, часть от друзей и просто приятелей, а всё остальные – от родителей Полины. Они звонили мне каждый день по нескольку раз, всё это время, но я не брал трубку. Попросту не мог с ними разговаривать.

Все понимали – в том, что случилось не было моей вины. Водитель микроавтобуса не справился с управлением на вечерней зимней трассе, тоже погибнув в этой аварии. Наверняка, родители жены звонили, чтобы меня поддержать, но разговаривать с ними сейчас было выше моих сил. Я не чувствовал в себе силы разговаривать с потерявшим единственную дочь пожилыми людьми и трусливо прятался от этого разговора. Не сегодня, точно... может быть завтра.

Для себя я уже всё решил – виноват я. Можно было выехать пораньше и тогда не пришлось бы ехать в сумерках. Или не сворачивать на просёлок, где дорогу почти не чистят, а держаться основной трассы. Или попросту заночевать у друзей, те предлагали остаться. Или... или... или... Как же много всяких вариантов, которые можно было выбрать... и тогда жена осталось бы жива. Но из всех вероятностей я выбрал именно эту, которая и привела нас зимним вечером

на просёлок, под роковой удар микроавтобуса. Скорее всего, чувство вины будет заслуженно терзать меня всю жизнь. Поделом.

Одевшись потеплее, я прихватил солнцезащитные очки и вышел во двор. Апрельское утро было зябким, но солнечным, что предвещало по-настоящему тёплый день – весна всю осмелела и начинала заявлять законные права на замёрзшие за зиму владения.

Мощный внедорожник басовито взревел четырёхлитровым дизелем, и я невольно вздрогнул. Воспоминания о жуткой аварии были всё ещё свежи в памяти и мне потребовалось солидное усилие воли, чтобы заставить себя успокоиться.

– Тряпка, спокойно. Возьми себя в руки, – зло прошептал я сам себе, воткнул передачу и вдавил педаль газа.

Послушный рулю автомобиль выехал из ворот, поиграл гравием на просёлочной дороге и через пять минут выбрался на трассу, радостно зацокав по асфальту шиповкой. Ещё через несколько минут он бодро залетел на высокий холм, с которого открывался вид на Михайловку. И этот вид мне не понравился сразу.

Я притормозил, а потом и вовсе остановил машину. Нужно было получше разглядеть с холма происходящее внизу, а происходило что-то действительно очень мне непонятное.

На выезде из селения, на боку, яркой кабиной в кювете, лежала фура. Она загораживала въезд в деревню и, чув-

ствую, с этой проблемой ещё придётся разобраться. Но больше меня насторожило другое. Один из домов, прямо в центре деревни, горел. Языки пламени рвались из окон, высокий столб густого чёрного дыма, судя по всему, должен быть виден за несколько километров. Но не было заметно ни суеты пожарной команды, ни мерцания мигалок автомобилей спецслужб. Да что там, пожарных, не видно вообще никаких людей, которые пытаются потушить пожар и спасти соседское строение. Никакого движения в деревне не было.

«Вот, ёшки матрёшки. Как вымерла... так, что делать будем?»

Хотя, что тут делать – ехать надо. Там могут быть люди и им, возможно, требуется помощь. Опять же, мне продукты нужны, а деревня, как ни крути, ближайшая. Короче, решение принято, еду и на месте разберусь.

Педаль газа в пол и внедорожник срывается с холма, чтобы через минуту оказаться около грузовика, который действительно перегородил трассу. Всё, конец дороги для автомобиля – обочина узкая и объехать развалившуюся фуру нереально, а значит проехать в Михайловку этим путём действительно не получится. Объезда я не знаю, поэтому пойду в деревню пешком. Но сначала надо глянуть, что там с водителем, если он ещё в кабине.

Я выбрался из машины и подошёл к опрокинутой фуре. Для того, чтобы посмотреть в окно, пришлось спуститься в кювет и, проваливаясь в серый рыхлый снег почти по щико-

лотки, обойти кабину. Водитель действительно внутри, но не шевелится. Через забрызганное грязью лобовое стекло подробности разглядеть было трудно и мне пришлось карабкаться наверх, чтобы открыть дверь, которая, впрочем, поддалась легко. Я заглянул внутрь – бородатый водитель, пристёгнутый ремнём безопасности, висел в своём кресле и на первый взгляд казалось, что он просто уснул. Несомненно, он жив, дышит, но на шум открывающейся двери не отреагировал.

Хотя, какая тут нафиг дверь. Мужик машину в кювет загнал, опрокинул на ходу – грохот и скрежет должны быть слышны на всю округу. Если и уснул в дороге, то от такого представления проснулся бы вмиг сам, а в придачу всю деревню перебудил бы, собрав около себя толпу сонных и недовольных селян, но вокруг ведь никого.

Я толкнул водителя. Ещё раз, но уже сильнее, почти ударил, но никакой заметной реакции. Потом, свесившись с края кабины и рискуя сорваться внутрь, крикнул несколько раз ему прямо в ухо, но всё без толку.

– Да ты, мужик, походу в какой-то жёсткой отключке. В общем, ты это... не уходи никуда, – проговорил я вслух больше для собственного ободрения, громко хлопнул дверью, прыгнул обратно на обочину и зашагал в сторону Михайловки.

В этой деревеньке я бывал до этого всего пару раз, но всё как-то проездом. Последний раз – в начале осени, когда мы

с Полиной объезжали окрестности сразу после покупки коттеджа. Домов двадцать-тридцать, стоящих по обе стороны от трассы, некоторые строения заброшены, судя по их внешнему виду, уже давно. Да небольшой облезлый ларёк в центре с самым необходимым для быта и скудным выбором продуктов, который и стал целью сегодняшней моей поездки. Деревня ничем не отличается от мириад подобных российских поселений, разве что фурой, лениво развалившейся поперёк дороги на въезде, да отсутствием видимых признаков жизни.

Осторожно пройдя вдоль пустой улицы и мимо прикрытого ржавым щитом ларька, я добрался до горящего здания. У избы уже обвалилась крыша и дом обречённо догорал, источая едкий запах гари. Заслезились глаза. Подходить ближе я не стал, помочь тут нечем. Думать о том, что кто-то мог быть внутри во время пожара, и вовсе не хотелось.

Следующий за пожарищем дом, судя по всему, был обитаем. У перекошенного забора стоял старенький «Пассат», с наклейкой «никто кроме нас» на заднем стекле. К машине по грязи пролегла свежая колея от колёс – автомобиль был на ходу и привёз сюда кого-то вчера или даже сегодня, и этот «кто-то» сейчас мог быть в доме. Через распахнутую калитку я прошёл во двор, поднялся по скрипучему крыльцу. Дверной звонок отсутствовал, вместо него на ветру болтался кусок провода, и я просто постучал в дверь. Подождал немного, никакого ответа. Постучал ещё раз, уже сильнее. Опять тихо.

Вообще, тишина какая-то нехорошая, гнетущая что ли. Только хриплый вороний крик её нарушает, да капли от тающих сосулек по лужам тревожную дробь настучивают.

Чувствую, что накручиваю себя, но оно и понятно, подобная ситуация не каждый день встретится. Так... нужно успокоиться и подумать, что делать дальше. Я глубоко вздохнул и направился в сторону следующего дома. Вышел со двора, но успел сделать всего пару шагов от калитки к дороге.

– Эй, мужик! Чё надо-то? – из форточки в окне дома, в дверь которого я только что ломился, высунулась небритая мужская физиономия и подозрительно косилась в мою сторону.

Я вернулся и внимательно оглядел мужчину. Красные глаза, помятое лицо с многодневной щетиной, всклокоченные волосы – было похоже на то, что он только что проснулся и теперь никак не может понять, что за тип шляется под окнами.

– Слушай, тут такое дело... что-то непонятное у вас происходит. Это я про деревню. Ты вообще в курсе, что соседний дом, – я показал рукой в сторону недавнего пожара, – сгорел совсем недавно?

– Чё? Как это сгорел?

– Ну да... до угольков выгорел. И на улице никого из местных, как будто деревня необитаема, – я внимательно посмотрел на реакцию небритого типа.

На широком лице, сначала заметно недовольном от моего

вторжения, появилось крайне недоумённое выражение. Мужик на минуту пропал из окна, видимо сходил к другому, выходящему на соседский участок, потом вернулся обратно.

– Саня с женой, их дом... дачники питерские, вчера вот только к ним заходил... – выражение его лица стало совсем растерянным, – погодь, мужик, на крыльцо пройди, открою сейчас.

Через минуту сухим дуплетом щёлкнули замки и распахнулась дверь. Я зашёл на тесную полутёмную веранду, заваленную всяким хламом. Через открытую в дом дверь было видно, как хозяин носится по комнатам, одеваясь к выходу. Через несколько минут он уже вывалился ко мне, по дороге натягивая свитер поверх полосатой тельняшки. Было в мужике метра под два роста, плечи шире моих раза в полтора, не хилая такая комплекция.

– Гена, – прогудел гигант, дохнув на меня густым перегаром и протянул свою широкую ладонь. Я с опаской её пожал и тоже представился.

– Чё-то непонятное, говоришь?

– Точно. Что-то совсем непонятное. И на выезде фура перевёрнутая лежит, всю дорогу перегородила. Водила в кабине и как будто спит, но я не смог его поднять, хотя накричался до хрипоты. Саму машину никто не убирает, гайцов не видно. Трасса вообще, как заброшенная – ни одной машины не встретил, пока сюда ехал.

– Дела...

– Точно. Слушай, Гена, а магазин ваш когда откроется?

– Какой... а, так ты про ларёк? Так это... до лета не откроют. К нам автолавка ходит, по расписанию. К одиннадцати и должна быть.

Геннадий прыгал в углу веранды, натягивая непослушный сапог.

– Я сюда вообще-то за продуктами ехал, а оно вот как получается, – развёл я руками, как бы демонстрируя всю степень моего недоумения.

Гена справился со вторым сапогом, немного постоял, как будто обдумывая эту информацию, кивнул сам себе и исчез в доме. Почти сразу же вернулся, но уже в пуховике и в обнимку с двуствольным ружьём. Двустволка была выдавшая виды – ствол в царапинах и затёртый приклад в сколах, но Геннадий сжимал её в руках весьма уверенно, а значит пользоваться умеет и ружьё исправное. Очень надеюсь, что оно нам сегодня не понадобится.

– Ну пошли, Андрюх, позырим, чё там снаружи за херня творится, – Гена толкнул дверь и решительно вышел на улицу, а я поторопился за ним, едва поспевая.

Сначала сходили к сгоревшему дому. Огня уже не было, но руины дымили изрядно. Гена полез смотреть, что да как. Он несколько раз обошёл пожарище и через несколько минут вернулся ко мне.

– Не понять, были ли хозяева в доме – завал тут разгрести не один день. Но «бэ-ха» ихняя за домом стоит. Значит в

город они на ней не поехали – это точняк, а может... и дома были. Андрюх, слушай, у тебя сига есть?

– Сига? Сигарета, что ли? Не, Ген, не курю.

– Херово, мои вчера ещё кончились. Совсем подыхаю без курева.

Гена вздохнул с сожалением, поскрёб пятернёй щетину на щеке, потом смачно сплюнул на грязный снег и произнёс:

– Ну чё сиськи мять, дальше пошли. Тут человек двадцать должно набираться, проверить бы надо. Сперва к Сергеевым, это соседний дом. Там семья с девчужкой мелкой, тока вчера их видел, в огороде всем семейством копошились.

Названный дом был следующим по улице за пострадавшим от пожара. Большое и основательное на вид бревенчатое строение, с пристройкой из красного кирпича. По словам Гены, в семье насчитывалось четыре человека – девочка лет пяти-шести, её родители и пожилая бабушка. Все они приехали в дом из города ещё в конце марта и использовали его, как дачу на весенне-летний сезон.

– Хозяева! Есть кто дома?! – мой невольный напарник пудовым кулаком заколотил в несчастную дверь, которая под его ударами чуть ли не вылетела с петель.

Казалось, что на громкие крики и богатырский стук вмиг сбежится вся округа. Но на улице по-прежнему было пусто, да и в самом доме никто не торопился открывать шумному соседу.

– Андрюх, чё-то не нравится мне всё. Так... я двором

обойду, там ещё одна дверь есть, через неё зайду, а ты это... жди – Гена перебросил ружьё через плечо и отправился в обход.

Минуту спустя, со двора раздался звон разбитого стекла, а ещё через одну Геннадий открыл мне главную входную дверь изнутри.

– Андрюх, там на кухне женщина на полу, ты это... посмотри, чё с ней, а я пока по комнатам пройду, – он неопределённо махнул рукой в сторону кухни, а сам нырнул в боковую дверь.

На кухне горел свет, хотя с улицы она была отлично освещена. Видимо, то, что случилось, произошло ещё совсем затемно. Женщина лежала на полу, лицом вниз, подвернув под себя руку.

«Ёшки-матрёшки... мёртвая никак?»

Когда-то давно, после армии, мне довелось учиться на курсах оказания первой помощи, вот и пригодились почти забытые навыки – я проверил дыхание лежащей на полу женщины, мать семейства была жива. Уже хорошая новость. Теперь неплохо бы перенести женщину с холодного пола кухни в более удобное место.

На кухне было тесно, и я заскрипел массивным столом, отодвигая его к стене, освободив больше места для дальнейших действий. Под столом нашлась перевёрнутая тарелка с чем-то съестным – похоже, женщина готовила завтрак и как раз накрывала на стол. Хорошо, что всё это случилось уже

после того, как она закончила свою готовку, есть у меня подозрение, что иначе в деревне было бы на один пожар больше.

Я осторожно перевернул женщину на спину, но ничего подозрительного не заметил. Обычная женщина лет тридцати в домашней одежде, но без сознания или крепко спит... очень, очень крепко спит.

Гена не заставил себя ждать и уже заходил на кухню.

– Андрюх, бабка ихняя в кресле, в зале... и это... не дышит она. Хозяин в кровати, похоже, что с вечера не вставал. Этот живой, но в ауте полном, не смог его поднять. Мелкая у себя в кроватке, с ней та же херня.

– Слушай, Гена. Женщину надо бы отсюда перенести в другое место. Предлагаю в спальню на кровать положить, а потом уже вместе прикинем, что делать. Мысли умные вдруг появятся. Иди сюда, поможешь мне её поднять.

– Так это... сам отнесу, справлюсь. Дверь только придержи, – Гена подошёл к лежащей женщине, наклонился и крикнув, просто поднял её с пола.

«Вот у мужика силища. Хотя, при его-то габаритах...»

Перенесли женщину на кровать, аккуратно уложив рядом с мужем на бок, чтобы не задохнулась, а потом вернулись обратно на кухню, ставшую нашей временной базой.

Гена предложил позавтракать за счёт невольного гостеприимства хозяев дома, на что я, недолго сомневаясь, согласился – действительно, чего зря еде пропадать. Напарник,

взяв на себя роль хозяйки, завозился на кухне, я же пока решил попробовать проанализировать то, что тут могло произойти.

Для такого анализа мне не хватало информации, и я отправился в зал, посмотреть на мёртвую старушку. Осмотрел тело, стараясь не прикасаться к трупу, но не отыскал никаких заметных мне следов, говорящих о причине странной смерти. Бабулька продолжала сидеть в кресле так, как будто только-что отложила своё вязание и устало прикрыла глаза, решив минутку передохнуть.

«Ёшки-матрёшки, вот я тупица... надо же полицию вызывать!»

Шляемся по чужим домам, в детективов играем, а так и заиграться недолго. Пусть приезжают специалисты и сами разбираются, что тут происходит. Потом проблем не оберёмся – затоптали место преступления, уничтожили улики, да ещё и не сообщили сразу «куда следует». А мне бы автолавку не пропустить, иначе вечером есть будет совсем нечего – в холодильнике только пачка кислого молока и лёд.

Я достал сотовый и набрал службу спасения. Занято... Как такое может быть, у них же многоканальный номер? Попробовал набрать прямой номер полиции – не снимают трубку, хотя звонок проходит. Так, пробуем дальше. Я один за одним набирал номера из телефонного списка, уже наугад, но опять никто не отвечает.

Непонятно, но временно и больше для собственного успо-

коения буду считать, что у меня что-то не в порядке с телефоном. Попробую позвонить позднее, а пока мне надо ещё кое-что проверить. Одно своё нехорошее предчувствие.

На низком столике перед креслом лежал телевизионный пульт. Я, косясь на труп, всё же как-то неуютно находиться в одной комнате с мёртвым человеком, поднял его и включил телевизор. Первый попавшийся канал не работает, по экрану бежала рябь из помех. На втором висит сетка тест-таблицы. В общем, тоже мимо.

Следующий канал, судя по логотипу в углу – федеральный. Так, тут уже что-то интереснее. Во весь экран висит текстовое сообщение о введении чрезвычайного положения и просьбе оставаться дома.

На следующем канале я поймал кусок видео-сообщения, которое тусклым голосом передавала диктор, немолодая женщина в помятом сером костюме, с тёмными кругами под глазами:

«... и откуда появилось. Данных о том, как долго может продолжаться это... состояние у меня пока нет – ни один из наблюдаемых в сознание не приходил, – женщина замолчала, потом обхватила лицо узкими ладонями, несколько раз глубоко вздохнула и продолжила, – я осталась в студии одна, сейчас поеду домой и советую всем, кто меня слышит, сделать то же самое – бросать всё и ехать к своим семьям. Да хранит вас Господь!»

Дрожащими руками женщина сняла микрофон, бросила

его на стол перед собой, резко встала и ушла из кадра. А камера продолжала смотреть на вращающееся пустое кресло и стену с логотипом канала за ним. Я подождал ещё несколько минут, на экране ничего не менялось и выключил телевизор.

«Ёшки матрёшки, напугали до чёртиков. Что происходит-то?»

Понятнее мне не стало. Разве что, начало появляться и крепнуть ощущение, что происходит что-то неладное в самых глобальных масштабах. Такое, чего мир ещё не знал.

В расстроенных чувствах я вернулся на кухню. Гена уже накрыл на стол и ждал меня, со вкусом дымя сигаретой из пачки, найденной где-то в доме. Ну, хотя бы одной проблемой у человека стало меньше.

Завтрак действительно был приготовлен хозяйкой, осталось только слегка подогреть ароматную кашу и разложить по тарелкам. Пока мы ели, я бегло пересказал Гене про то, что увидел по телевизору. Выводов старался не делать, но мужчина мрачнел с каждым моим словом всё больше и больше.

Позавтракав, я предложил:

– Гена, слушая, вот чего думаю... может проверим остальные дома? Возможно там кто-то ещё остался. Заодно составим полную картину о происходящем. Что скажешь?

– Не вопрос. Тока это... похаваю и сразу идём? – ответил Геннадий, щедро накладывая вторую порцию в глубокую тарелку.

...

В других домах наблюдалась похожая картина, но никого в сознании мы больше не встретили. В итоге, из двадцати трёх соседей по деревни, девять человек – все без исключения пожилые люди, оказались мертвы. Остальные жители, кроме моего нового знакомого, находились в бессознательном состоянии, очень похожем на состояние комы и привести в чувство нам никого не удалось.

Мы несколько часов растаскивали людей по креслам и диванам, в надежде, что они скоро всё-таки смогут прийти в себя. Последним извлекли из кабины водителя грузовика и на машине Гены перевезли его в ближайший к выезду из деревни дом.

Потом мы с Геннадием ещё долго сидели на его прокуренной кухне, пили чай, хрустели сухарями, да разговаривали за жизнь. Старенький радиоприёмник на столе потрескивал помехами, почти не давая полезной информации и вынуждая нас высказывать собственные версии о том, что это может быть за напасть и как события могут развиваться дальше.

Информация, услышанная нами по радио, действительно, не сильно помогла продвинуться в понимании, с чем мы столкнулись. Скорее окончательно запутала. Один из каналов дурным голосом фанатика вещал о каре божией и приходе судного дня. На другом диктор, монотонно бубня и запинаясь через слово, призывал население к спокойствию, уверяя, что правительство обязательно нам поможет, нужно

только этой помощи дожидаться. На третьем играла классическая музыка, добавляя ещё больше мрачной жути в происходящее. Остальные каналы вовсе не работали, выдавая в эфир нестройный шум помех.

Автолавка не приехала, и Геннадий надавал мне целый пакет продуктов, щедро распорядившись собственными запасами. Вечерело и я засобирался домой. Похоже, наступали не самые простые времена, которые лучше всего встретить в родных стенах, которые, как это хотелось думать, являются неприступной крепостью.

Мы с Геней договорились поддерживать связь по телефону, условившись созвониться завтра с утра. Мобильная связь работала, я для проверки дозвонился на трубку Геннадия с первого раза. Но при попытке набрать другие номера из записной книжки, я получал в динамике только разочарованные гудки дозвона.

На прощание мы пожали друг другу руки, и я, не удержавшись, хлопнул мужчину по могучему плечу, мол «держишься давай». Понимаю, как ему сейчас не просто, но больше помочь тоже ничем не могу. Обязательно приеду завтра ещё раз, с утра, чтобы узнать, как тут дела.

Начался дождь, и я успел изрядно промокнуть, пока добирался до оставленной на окраине деревни машины. Забравшись в салон, прогрел двигатель, чуток пообсох и через несколько минут уже гнал автомобиль в сторону дома.

Я напряжённо всматривался в покрытое разводами от разбушевавшейся водной стихии лобовое стекло. Свет фар изо всех сил старался разогнать вечернюю мглу, но трассу было видно с трудом – за несколько минут дождь успел усилиться до ливня, мутной пеленой закрывая вид на дорогу. Автомобиль уже спустился с холма, осталось метров двести до поворота, как на дороге перед ним возник тёмный, широкий силуэт.

От неожиданности я резко ударил по тормозам, автомобиль повело по скользкому асфальту по инерции протаскивая на неожиданное препятствие. Удар был сильный – я успел разогнать тяжёлый внедорожник почти до восьмидесяти. Подушки безопасности не сработали, и я больно приложился лицом о руль, рассадив нижнюю губу в кровь.

Лосю, а я был уверен, что это именно неудачливое парнокопытное забрело из ближайшего леса на автомобильную трассу, тоже не сильно повезло. Бедную животину отбросило на обочину, прямиком в придорожные кусты.

«Ёшки-матрёшки... Лоси низко летают. Видать, к дождю...»

Надо выйти, проверить машину, а заодно и сохатую жертву автокатастрофы. Немного успокоившись и уняв предательский тремор в руках, я включил свет в салоне и посмотрел в зеркало заднего вида – губа припухла, но ссади-на небольшая и почти не кровоточит. Обтерев лицо салфеткой, я выбрался из автомобиля, прихватив с собой фонарик

и глубоко натянув на голову капюшон. Погода совсем не располагала к прогулкам и лазить по промокшим насквозь кустам под ледяным апрельским дождём я долго не рассчитывал, ещё не хватало простуду подхватить. Учитывая безумные события дня, я собирался по-быстрому проверить сбитое мною животное, заодно посмотрев, не сильно ли пострадал чужой автомобиль.

Так... Бампер расколот, а правое крыло основательно вмято внутрь так, что почти задевает колесо. Стекло фары в трещинах, хотя сама лампа исправно пока светит. Больше повреждений не заметно, но кто его знает, что там внутри под металлом корпуса. Ладно, сегодня уже не до этого, а вот завтра при свете дня обязательно осмотрю машину внимательнее.

Судя по месту удара невезучего лесного жителя отбросило куда-то сюда. Я поволил фонарём из стороны в сторону. Яркий луч выхватил из темноты фрагмент придорожного столба, потом знак-указатель поворота. А вот и те самые кусты за обочиной.

«Твою ж мать!!!»

Волоски по всему телу встали дыбом, адреналин ударил в уставший от дневных событий мозг, едва не разорвав его в клочья. В свете фонаря мне мельком удалось разглядеть существо в придорожных кустах, и я инстинктивно попятился назад. То, что лежало у дороги и пыталось подняться, не было лосём. Это существо вообще мало походило на любое из

известных мне земных животных.

– Твою ж мать! Да ты сука, не фи́га не лось. Ты, млять, ни разу не лось! – ругаясь, я пятился к машине.

Ещё один шаг назад, и я неудачно ставлю ногу, поскользнувшись на мокрой от осадков дороге. Больно приложившись пятой точкой об асфальт я на несколько секунд потерял существо из вида. Сидя в луже воды, под проливным дождём и продолжая материться, я нашарил выпавший при падении фонарик, к счастью не разбившийся, и трясущимися руками направил его в ту сторону, где раздавались возня и пыхтение.

Увиденное испугало меня ещё больше. Монстр, размером с быка, а формами больше похожий на краба, уже поднялся и громко вереща двигался в мою сторону.

«Меня! Сейчас!! Убьют!!!»

Я вскочил на ноги, но было очевидно, что добежать до машины мне не успеть. Похоже, я вообще не успеваю ничего сделать для своего спасения. Мозг лихорадочно метался в поисках вариантов и не мог их отыскать.

«Как же хочется жить. Я не могу умереть! Только не так! Пропади, сдохни, исчезни тварь!!!»

В ожидании удара, который прервёт моё существование, я инстинктивно закрылся руками... и существо с противным визгом отправилось в полёт обратно к тем же кустам.

«Съел? Съел, сука?! Жив? Я жив. Я живой!!!»

Не помню, как забрался обратно в машину. Плохо помню, как оказался во дворе своего коттеджа. Совсем с трудом при-

поминаю, как, постоянно роняя ключи и матерьясь, дрожащими руками открыл дверь. Как в темноте кухни нашарил ручку люка подвала и кубарем, пятой точкой считая ступеньки, скатился по лестнице вниз, где и просидел до утра, не включая свет. В мокрой одежде, жалея себя, нервно всхлипывая и размазывая без перерыва текущие слёзы по лицу грязными рукавами, не осмеливаясь даже пошевелиться.

Только под утро я немного успокоился, начал приходить в себя и попытался проанализировать происходящее, которое анализироваться не хотело просто никак.

Самым желанным вариантом было списать всё пережитое на ночной кошмар, вызванный передозировкой снотворного. Но в мобильном, как доказательство, есть все мои попытки вчерашних исходящих звонков и номер нового знакомца Гены, который я записал перед отъездом. Я не сошёл с ума и не нахожусь в горячечном бреду, хотя очень хотелось бы. А это значит, что тот жуткий монстр на ночной дороге тоже был самым что ни на есть реальным.

При воспоминании о вчерашнем столкновении на трассе меня опять бросило в дрожь. Я ведь чуть не погиб и только каким-то невероятным, непостижимым чудом спасся. Жуткая тварь, которой не может, попросту не должно быть места в нашем мире, наверняка меня бы убила. Впрочем, как не должно было случиться и тех событий, которые происходили у меня на глазах весь вчерашний день.

Кроме того, что-то необычное происходило и со мной,

вернее, с моим зрением. В глубокий подвал совсем не при-
никал свет снаружи, тем не менее, я начал видеть в крошеч-
ной тьме.

Это были только очертания предметов, но я их легко уга-
дывал. Вот массивное плетёное кресло, которому не нашлось
места в новом интерьере дома. А вот стиральная машинка,
также доставшаяся от прежних хозяев, отправленная сюда в
ссылку за профнепригодность – руки не дошли выкинуть.

«Ёшки-матрёшки. Я что, вижу в темноте?»

Еще одна странность, возьму пока на заметку и подумаю
об этом позже, а сейчас надо выбираться наверх. Не сидеть
же тут вечно. К тому же, я попробовал позвонить Геннадию,
но телефон в бетонном подвале совсем не ловил сигнал.

– Так и Конец Света можно пропустить, – произнёс я
нервно и собственные слова, сказанные в тёмном бетонном
нутре подвала, испугали меня ещё больше.

Показалось даже, что они многократно отразились от стен
и вернулись ко мне обратно, но уже сказанные чьим-то злым
свистящим шёпотом.

Короче, лезу наверх, что бы там сейчас ни происходило. Я
осторожно приоткрыл люк, поморщившись от избытка света
– наверху было утро, солнечное, как и вчера. Вот только те-
перь от яркого солнца хотелось спрятаться куда-нибудь по-
глубже, где потемнее. Обратно в подвал, например. Особен-
но, если там, за окном, бродят такие вот существа.

«Стоп истерика! Спокойно и выходим по одному.»

Перво-наперво я заглянул в оружейный шкаф, чтобы взять дробовик. Три с лишним килограмма металла двенадцатого калибра придали мне немного уверенности в себе. Руки перестало колотить предательской дрожью и я, чуток осмелев, решил выбраться во двор, чтобы подобрать пакет с продуктами из машины.

Я приоткрыл входную дверь и звонкий, резкий звук чуть ли не заставил выпрыгнуть из штанов, электрическим током пробежав по всему телу. Это колокольным набатом зазвенели ключи, забытые вчера мной в наружной замочной скважине. Душа окончательно провалилась в область пяток, заставив замереть на пороге загнанным зайцем.

В ступоре, боясь пошевелиться, я простоял несколько минут в ожидании коварного нападения в любой момент. Не дождавшись, не сильно расстроился, немного успокоился и отдышался. Затем нащупал злополучные ключи, осторожно вытащил их из скважины и дрожащей рукой сунул в карман. После этого потыкал во все стороны стволom – действительно никого, и несмело шагнул во двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.